

ЕВРЕИ ТУРКМЕНИИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

К моему великому сожалению и стыду, я никогда в молодости не интересовался историей жизни своего отца. А он жил в необычайное время, выковавшее таких прекрасных, уникальных людей, какими были и он сам, и его братья и сестры. Нет оправдания моему безразличию, даже если свалить отсутствие интереса к страницам жизни моего отца Якова Ильясова и его семьи на свою молодость. 20 лет тому назад, 1 апреля 1991 года, моего отца не стало, и только тогда мне стало ясно, как много я потерял.

Однако за несколько месяцев до ухода моего отца в мир иной, судьба подарила мне несколько счастливых мгновений. Она позволила мне взглянуть на нетронутые, бесмятные ценности, хранящиеся в сокровищнице нашего рода, чтобы озарить меня их светом. С тех пор горит этот свет ярким пламенем, и я знаю, что он никогда не угаснет в моей душе. И сегодня, в 20-ю годовщину памяти самого святого для меня человека, моего отца - Якова Ильясова, я хочу донести до вас частицы этого света.

В 1990 году наша семья решила воссоединиться со своим многочисленным родом и поселиться на святой земле предков - на Земле обетованной. Мы продали дом и решили купить на эти деньги имущество, которое можно было перевезти в Израиль. Я уволился с работы, и мы поехали с отцом в Туркмению, чтобы приобрести тикинские ковры ручной работы, высоко ценящиеся в Израиле.

Планировали вернуться из Туркмении очень скоро, однако там моему отцу расхотелось так скоро уезжать. Он попросил меня немного погостить у родственников. Я согласился. Это "немного" растянулось на несколько месяцев. Видимо уже тогда, за несколько месяцев до своей смерти, он чувствовал скорое ее приближение. Летний дурманящий туркменский воздух и сказочный пейзаж песчаных барханов разбудили в нем множество воспоминаний его незабываемого, неповторимого детства и его окутанной опаснейшими приключениями уникальной юности. Вот тогда-то он и посвятил меня в свое прошлое.

Мой отец родился в 1913 году в Туркмении, в городе Кирки. Многие его братья родились в Афганистане, в городе Герат. Мой дед, его родители и прадеды родились в Иране. Многие близкие родственники моего деда жили в городе Мешех. Мы относились к авлуту Басали - знаменитому роду купцов межгосударственного масштаба. Имя деда - Ильяху Басали. Он являлся мужем Хано, сыном Шу-

шаны, внуком Сурае. У него было девять детей: Юхевет, Исахар, Амин, Муса, Иосиф, Лева, Яков, Эстер и Мария.

Мой дед в молодости имел торговые точки в Иране и Афганистане. Хотя в Иране торговля шла лучше, мой дед не хотел оставаться там, потому что основным населением Ирана были шииты - враги иноземных религий. Он переехал в Афганистан, в город Герат, основное население которого составляли сунниты - люди, менее враждебно настроенные к немусульманам. Дед стал вести торговлю между Афганистаном и Туркменией. Позже он решил переехать с семьей в Кирки - город, расположенный на границе между Туркменией и Афганистаном. Оттуда было легче переправлять товары в обе стороны.

Торговля шла превосходно не только у моего деда, но и у всех евреев, живших там. Местные люди предпочитали покупать товары у евреев, которые никогда не обманывали и у которых товары всегда были более качественными, чем у местных торговцев.

В 1917 году произошла буржуазная революция в России. Это событие повлияло на экономику соседних государств, покупательная способность понизилась. Товары стало продавать невыгодно, потому что деньги обесценивались не по дням, а по часам. Покупательная способность рубля понизилась до 8 копеек. А позже он вообще обесценился. Когда выпустили новые деньги, размену один к одному подлежало только ничтожное их количество на человека.

Мой дед и его старшие сыновья закрыли свои торговые

Наша семья: Яков, Борис, Роман, Сусанна и Сафия Ильясовы. Самарканд.

лавки и стали ждать лучших времен. Вскоре в Туркмении власть захватили коммунисты. У богатых людей стали экспроприровать имущество. Появлялись группировки, куда входили недобровольные советской властью - бывшие имущие. Они стали оказывать вооруженное сопротивление властям, пытались

Яков Ильясов 1990-е годы

отстоять свое право на собственное имущество. Наряду с такими многочисленными группировками, появились и другие. Это немногочисленные банды, которые грабили мирное население. Появление последних, казалось, было на руку коммунистам: они называли группировки обоих типов басмаческими бандами и проводили агитацию среди народа, настраивая местное население против них.

Кирки, расположенный на границе, которая в те времена достаточно слабо охранялась, являлся очень удобным городом для басмачей. Они могли укрыться от властей за границей и делать набеги, когда им вздумается. В 20-м году в Кирки участились налеты басмачей на подпольных богатей. В основном это были евреи. Если евреи не отдавали налетчикам свои деньги, те резали им головы.

Мой дед не исключал печального исхода для себя. Однажды он привел на скотный двор своего старшего сына Исахара, которому в 20-м году исполнилось 26 лет. Исахар

вам, моим детям, но и моим внукам и правнукам.

И в один из злосчастных дней в дом деда действительно ворвались бандиты. Они были вооружены ружьями и кинжалами. Их лица были закрыты повязками. Они согнали всю семью в одну из комнат, а деда вывели в другую и потребовали от него золота. Он, открыв сундук, доверху набитый бумажными деньгами, сказал им: «Смотрите, во что превратились мои деньги. Я был богатый, но сейчас разорился».

Атаман банды засмеялся: «Весь Кирки знает историю, как твой сын, наивный Муса, продал тысячу ковров в один день за эти деньги. Но я знаю, что ты самый богатый во всей округе еврей. И знаю, что тот товар принадлежал только твоему сыну, и только твой сын обанкротился. И это была только сотая часть, по сравнению с тем имуществом, которым ты владеешь. Если ты сейчас не выдашь мне все свое золото, то вот этим кинжалом я сниму с тебя твою лысую голову».

Мой дед был очень смелым и отчаянным человеком. Он подумал: «Лучше моя смерть, чем

Яков Ильясов 1950-е годы

нищета всей моей семьи». И воскликнул: «Нет у меня золота! Я не боюсь тебя и смерти. Это ты бойся. Бог тебя покарает за все грехи!» Разъяренный атаман приказал бандитам связать деда и вывести из дома, чтобы отрезать ему голову. Его приволокли в сарай, связали, как барану, руки и ноги. Один из головорезов поднес свой кинжал к его горлу и стал ждать команды хозяина.

«Ну, последний раз тебя спрашиваю: где золото?.. Режь!» «Нет золота», - прокричал под кинжалом мой дед и стал проклинать их какими только ни есть бранными словами. «Ах, так?! - воскликнул атаман. - Просто отрезать тебе голову - это будет для тебя легкая смерть. Я сперва на твоих глазах отрежу головы твоим детям, а тебе - последнему». И приказал своим людям: «Тащите по очереди своих сыновей!»

Как только мой дед увидел,

что разбойники направились за его сыновьями, он неистово закричал: «Стойте! Берите все золото, но не трогайте моих сыновей!» «Где золото? - спросил атаман. «Вот оно», - указал дед на землю под собой. Оно закопано прямо здесь, там, где вы хотели пролить мою кровь. Разбойники выкопали кувшин с золотом и усаkali.

Они не убили моего деда, но, он, получив огромный душевный удар, прожил всего несколько дней и умер. Моему отцу было тогда всего 7 лет. Моя бабушка Хана осталась вдовой с девятью детьми. Дед оставил им в наследство огромный дом на территории в несколько гектаров. Имелись жилая площадь, скотный двор, птичий двор и сады с плодовыми деревьями и виноградниками. В 1990 году один из внуков моего деда, Меер, сын Исахара, посетил это место. Он извещил нас, что там расположена воинская часть. Старая постройка, сделанная из добротного жженого кирпича, до сих пор сохранилась и переоборудована под солдатские казармы.

После смерти моего деда все шестеро братьев решили заниматься хозяйством на подаренной им территории, чтобы прокормить семью. Они занялись плодоводством, виноградарством и огородничеством, птицеводством и скотоводством. Это общее дело объединило их крепче. Впоследствии они стали крупнейшими специалистами в этой области. А любовь к их делу и мастерство передались их детям и внукам. Несмотря на лютый голод в округе, по вечерам все члены семьи собирались на огромной веранде в доме или в беседке под виноградником и устраивали настоящие пиршества. Каждый из них владел каким-нибудь музыкальным инструментом, но особый талант проявился у Иосифа. Он имел абсолютный слух и мастерски владел игрой на таре. Впоследствии он стал известен как Есеф-Торчи. Был заводилкой ежедневных веселий. Ни один вечер, за исключением поминок, не проходил без музыки и танцев.

Так прошло еще несколько лет. В 1926 году моему отцу исполнилось 13 лет. Ему справили бар мисву - стал полноправным мужчиной в доме. Он давно ждал этого момента. С семи лет после потери отца, всегда мечтал поскорее стать взрослым и начать настоящее дело, которое бы повысило экономический уровень и благосостояние семьи до той высоты, какая была при жизни его отца.

Мой отец и его брат Лева были самыми сильными не только в своей семье, но и среди всех юношей в той местности. Кроме этого, они были чрезвычайно смелыми, рискованными и

ловкими. Мой отец поделился со своим братом своей заветной мечтой – заняться рискованным, но очень прибыльным бизнесом. В конце 20-х и в начале 30-х годов многим семьям, у которых родственники находились за границей, разрешалось выезжать из страны. Однако вывоз собственного имущества и драгоценностей ограничивался. С уезжающих взимались баснословные налоги. И семьи, уехавшие таким образом за границу, оказывались там в абсолютной нищете. Евреи средней Азии стали искать пути нелегальной переправки своих денег и драгоценностей через границу. Такие пути были найдены. Они вели через пограничный город Кирки. Мой отец и его брат Лева зарекомендовали себя в то время самыми надежными, честными людьми в этом городе, которые начали оказывать сперва небольшую помощь в переправке золотых монет через границу. Очень скоро их слава достигла небывалых размеров, потому что в их практике не было ни одного провала.

Во время охраны границ была значительно усилена. Многих контрабандистов, занимающихся нелегальными делами, ловили, сажали в тюрьмы, убивали на границе при побеге. Но мой отец и его брат Лева настолько любили свою семью, что их не могла остановить никакая опасность. Они ценили свою семью выше своей свободы, они любили свою семью больше своей жизни. И действительно экономика семьи стала заметно улучшаться. Мой отец и дядя Лева никогда не считали это дело контрабандой. Они всегда говорили, что бандитами являются местные власти, обирающие уезжающих людей догола. Они же, наоборот, помогали людям переправлять найденное собственным путем добро.

За свои услуги они брали от 1% до 3% от стоимости товара.

Товар переправляли по суше и через реку Амударья. Было много способов переправки товара. Но самый надежный состоял в следующем. Они зашивали золотые монеты в овечьи шкуры, пришивали эти шкуры к шкурам овец, передевались пастухами, и в чалме, в халатах, с посохами переняли стада с золотом прямо под носом у пограничников. Основная часть иммигрантов, чье добро проходило через руки моего отца и дяди Левы, были евреи – бывшие иранские и афганские подданные, каковыми являлась и все члены семьи моего отца. Это были очень богатые и очень порядочные люди. Они выезжали в основном из Туркмени. Однако нередко за границу эмигрировали и бухарские евреи. Как мне ни грустно было слышать это из уст моего отца, но дядя Лева с отцом старались не связываться с бухарскими евреями, потому что они никогда не платили за работу те проценты, которые обещали, а иногда вообще отказывались платить, ссылаясь на то, что весь товар был доставлен.

К концу 1936 году политика партии ужесточилась. Ни в чем не повинных людей стали обвинять в шпионаже и во вредительстве. Миллионы людей были отправлены в трудовые колонии. Многие объявляли врагами народа и расстреливали. Это время назвали ежовщиной, потому что Сталин совершал все свои черные дела руками своего питомца – наркома внутренних дел СССР, Генерального комиссара государственной безопасности Ежова. В этот период почти все бывшие иностранные подданные стали преследоваться. Их сажали в тюрьмы, избивали, заставляя признаться в шпионаже, и расстреливали. Выезды за границу практически прекратились. Охрана границ еще усилилась. Моему отцу с братом Левой пришлось оставить свое дело.

В 1937 году был издан нечеловеческий, позорный сталинский приказ о выселении некоренных жителей социалистических стран из пограничных зон. Некоренным жителям в Кирки относились так же евреи. Приказ следовало выполнить в течение 24 часов. За невыполнение приказа – расстрел на месте без суда и следствия. Вывоз имущества ограничивался ручной кладью, вывоз драгоценностей и денег тоже ограничивался.

На станцию были срочно поданы составы. Люди не имели возможности продать свои дома, вещи, животных. Каждая еврейская семья являлась многодетной. Каждый взрослый еврей держал в одной руке ребенка своей или соседней семьи, а в другой – мешок. Некоторые не могли взять с собой вообще никаких вещей, потому что в каждой руке они имели по ребенку. При посадке в поезд проводились тщательные обыски. Людей, у которых обнаруживались золотые монеты, сразу уводили, и больше их никогда никто не видел. Моему отцу и брату пришлось прямо там, на станции, раздать золотые монеты туркменам, которые их провозжали. В Самарканд семья отца приехала абсолютно нищей.

Это был второй огромный удар для семьи моего отца, после смерти моего деда. Третий мощный удар случился в том же 1937 году. Всех братьев моего отца, за исключением дяди Амина, который в 1933 году переехал в Израиль, и дяди Левы, который во время арестов отсутствовал в городе, посадили в тюрьму, обвинив их в шпионаже. Мой отец и его братья являлись афганскими подданными и имели иностранные паспорта. Их объявили английскими и немецкими шпионами и расстреляли на них дело. Всех их ожидал расстрел.

Каким чудом они спаслись от смерти, я расскажу вам с следующим поминкам моего двоюродного брата Бориса – сына дяди Левы, которому я посвящаю свое следующее повествование.

ЕВРЕИ И ПЕРЕСТРОЙКА? А ЗАЧЕМ?»

ВЕКТОР

Сразу оговорюсь: перестройка, о которой пойдет речь в этих заметках, ничего общего с горбачевской не имеет. С тех пор, как появилось человечество, оно то и дело перестраивается – от племенного строя до капитализма. Каждое общественное устройство выражает себе могильщика. Это издержки перестройки. Как считал Лев Толстой, если ты попал в трудное положение, надо сделать шаг. Пусть сомнительный, но шаг. Самое опасное – это инерция застоя. Шаг – это критический взгляд на своё состояние. Если ты не взглянешь на себя критически, за тебя это с удовольствием сделают другие. А если это делают другие, то какой дурак станет им помогать, считая себя невинной жертвой маркобесия?

На днях мне прислали странную статью израильского инженера Юрия Ноткина под странным названием «Быть евреем? А зачем?». Не только название странное, но и вопросы автора. Не один, а два. Можно заменить заголовок Ноткина другим. Например – «Дышать воздухом? А зачем?», «Иметь глаза? А зачем?», «Сердце стучит? А зачем?».

Я внимательно прочитал статью, стараясь установить новизну, не говоря о волнующей меня перестройке. Увы, читал известное, но с излишним многословием. Миллионы подобных обращений к разуму, религии, человечности, исторической правде и т.д. и т.д. оказались бумагами, питающими костёр ненависти к евреям. Зигмунд Фрейд объяснял: можно создать общество, в котором все будут друг друга любить, но лишь постольку, поскольку за пределами этого общества будет другое, которое надо будет ненавидеть. Навивные призывы к христианам любить евреев, уйти от лжи к правде, – это то же самое, что призывать раввина съехать на обед свиную отбивную (хотя, говорят, такие случаи у евреев наблюдаются).

Всё predetermined, сказал еврейский мудрец древности, но у каждого есть свобода выбора. Свобода выбора! С выбором у евреев дело обстоит туго. Почему? Потому что они слушать не хотят о перестройке.

Заявляю со всей определенностью: евреи – самый беспризорный народ в мире. Потому что ни в одном народе нет такой пропасти между мудрецами и народом, как у евреев. Еврей считает просто унижением для себя слушать и, тем более, следовать мудростям Шама, Гилея, Иосифа бен Аквиы, кстати, все они прозелиты... «Не учи учёного», а учёным себя считает каждый еврей, даже тот, кто и

грамотой не овладел.

При такой пропасти между мудрецами и народом появляются вожди, чаще всего олигархи, которые мудрецов не читают и не почитают, а народом не интересуются. У этих отщипов нации, вкрупне со смотрящими им в рот раввинами (т.е. учителями), цели железные и конкретные, как закрытый сейф. А душа, как учил Карл Маркс, лежит в кармане. Что остаётся народу? Ждать милостыни от олигарха и явиться на праздник в храм, чтобы попытаться уловить ускользающий взгляд учителя. И так – век за веком, тысячелетие за тысячелетием. И никакого намёка на перестройку.

В Москве проходил семинар одного из самых известных раввинов. Я записал его суждения...

– Евреи склонны объяснять свои неудачи только антисемитизмом. Это заключение наименее порядочное...

– Самый большой паразит в обществе – это его лидер, не ответственный своей роли... До 120 года нашей эры первых христиан принимали за евреев.

– Христос убеждал, что нельзя быть евреем, не соблюдая заповеди. Секта брата Христа считала, что тот, кто хочет стать христианином, должен соблюдать кашрут, законы иудаизма, носить талес, тфилин...

Чем же Иешуа-Христос не угодил евреям, что они отреклись от него? Уточню – не народ отрёкся, а лжевожди и лжеучителя, о которых проповедник позволил говорить правду.

И что получилось? Получилось христианство. К которому, кстати сказать, сам Христос-Иешуа не имеет никакого отношения.

Евангелие, это гениальные сочинения евреев, появилось через много лет после смерти Христа. Прояви еврейские умы того времени внимание к ситуации, к судьбе Иешуа-Христа... И даже по мере того, как его имя стало овладевать миром, евреи не нашли нужным очухаться и

предвидеть последствия отсечения от него... Перестройка не состоялась!

Вариться в перебродившем соку – не самое высокое свидетельство сомнительного еврейского гения, которым наши учителя любят укрываться, как рваным зонтиком от дождя. Укрыться, обособиться, без попытки трезво посмотреть в глаза нации, понять, что дыма без огня не бывает, много ли ума для этого надо? Ума столько, сколько требуется для перестройки. Что бы случилось с миром и евреями, если бы раввин однажды выступил с проповедью в церкви, а поп отвечал бы на вопросы евреев в синагоге?

Тысячи лет вколачивают ложь о якобы еврейском распятии Христа. Тысячи лет льётся еврейская кровь, а нам всё не хватает ума, чтобы накачать мускулы правды, заняться своими мозгами и извилинами для перестройки. Самой необходимой. Назревшей. Спасительной!

Где наши мудрецы? Где наши учителя? Спросите у евреев, кто их вождь? – ни один не ответит на этот вопрос. Потому что таких имён нет!

Олигархи и власти задушили свободу слова, заменив её и заманив еврея тарелкой бесплатного супа или другой мелкой милостыней... Еврейская перестройка могла состояться две тысячи лет тому назад. Наши мудрецы – талмудисты канонизировали причины, по которым были разрушены святилища.

Почему были разрушены святилища?

Наши мудрецы говорят (Йома,9б): «Из-за чего был разрушен Первый Храм? Из-за трёх грехов: идолопоклонства, разврата и кровосмешения». Не осталось места в стране Израиля, где не поклонялись бы идолам... Евреи убивали друг друга, осекверняли субботу, не давали детям учить Тору.

«Из-за чего был разрушен Второй Храм, во времена которого изучали Тору, соблюдали заповеди, свершали добрые дела? Из-за беспричинной вражды между евреями, которая, как три греха, вместе взятые – идолопоклонство, разврат и кровопролитие». Евреи не проявляли терпимости друг к другу, не уважали друг друга. Они следили за буквальным исполнением законов Торы, но пренебрегали милосердием. Ярким примером тому – история о Камце и Бар-Камце. Храм был разрушен ещё и потому, что евреи не хотели исправляться, они считали, что Храм их спасёт.

2000 лет ушли, а евреи всё ещё не хотят исправиться. Не хотят перестройки

Леонид КОВАЛЬ,
Юрмала, Латвия

